

На правах рукописи

Рябинская Татьяна Сергеевна

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ МОЛОДЕЖНОГО
ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

22.00.06 – социология культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Майкоп - 2016

Работа выполнена в Институте сферы обслуживания и предпринимательства (филиале) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Научный руководитель – доктор философских наук, доцент
Швачкина Людмила Александровна

Официальные оппоненты: **Шульга Марина Михайловна**
доктор социологических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», профессор кафедры социологии
Института образования и социальных наук

Самыгин Петр Сергеевич
доктор социологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»,
профессор кафедры теории и истории
государства и права

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», г. Ростов-на-Дону

Защита состоится «__» _____ 2017 г. в ____ на заседании
диссертационного совета Д 212.001.05 по социологическим наукам в ФГБОУ
ВО «Адыгейский государственный университет» (385000, Республика
Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ
ВО «Адыгейский государственный университет» (385000, Республика
Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260).

Автореферат разослан «__» _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

С.А. Ляужева

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Исследование социокультурных детерминант экстремизма российской молодёжи, во многом находящихся в зависимости от трендов международного терроризма, вызванных к жизни противоречиями культурной глобализации в условиях геополитического противостояния ведущих держав, актуализирует интерес к данной проблематике исходя из перечисленных причин.

Во-первых, их анализ даст возможность определить сущность экстремизма и траектории девиантных практик современной российской молодёжи, представляющих угрозу как для самих молодых людей, так и для безопасности страны в целом; во-вторых, исследование социокультурных детерминант экстремизма российской молодежи позволит описать ведущие культурные паттерны экстремизма молодёжи, характерные для России, но находящиеся под влиянием глобальных культурных трендов; в-третьих, изучение детерминирующих причин экстремизма современной молодежи в России поможет определить социокультурные факторы активизации молодёжного экстремизма и потенциал его возможного роста; в-четвертых, комплексное исследование данной проблемы поможет осуществить прогноз динамики экстремизма молодёжи в будущем и при помощи воспитательных и контрпропагандистских методов действовать на опережение, используя эффективные формы и методы культурной профилактики данного негативного социокультурного явления.

Ракурс выбранного нами исследования не является случайным, поскольку экстремистские аттитюды современной российской молодёжи напрямую связаны с проблемами культурной глобализации, кризисом «традиционных» ценностей и прогрессирующим развитием средств массовой коммуникации, что заметно увеличило риски попадания молодых людей в поле воздействия террористических идеологий. В связи с этим, экстремистские тенденции молодёжи в современном российском обществе получают мощный импульс со стороны культурных традиций, подвергающихся радикальной идеологической трансформации в условиях экспансии релятивистских ценностей глобализации, что способствует росту ксенофобии на почве межэтнических и межконфессиональных столкновений.

Становление гражданского общества в России сопровождается возникновением конфликтов, культурное содержание которых во многом продиктовано шовинистическими тенденциями, приводящими к обострению этнических и конфессиональных различий между молодыми людьми при недостаточном уровне развития гражданской (общероссийской) идентичности. В результате происходит актуализация партикулярных идентичностей, которые угрожают основам российской государственности и отвечают устремлениям отдельных радикальных групп политизировать этнические и религиозно-конфессиональные детерминанты отечественной культуры. Экстремизм российской молодёжи, проявляющийся, в том числе, и

в недоверии к органам государственной власти, связан не только с признанием факта социально-экономических трудностей, с которыми сталкивается молодёжь, но и с проблемой культурной аномии, характеризующейся недостаточным внедрением в индивидуальное и общественное сознание молодёжи ценностей гражданского патриотизма.

Таким образом, социологический интерес к данной проблематике объясняется перспективами изучения социокультурных детерминант молодёжного экстремизма в целях профилактики и минимизации его негативных воздействий на стабильность и безопасность российского общества, возникающих в результате искажения «традиционных» ценностей как со стороны экстремально настроенных «консерваторов» так и «модернистов» из числа молодёжи.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Постановка проблемы диссертационного исследования включает в себя анализ научных источников в сфере социологического изучения ряда направлений, связанных с изучением социокультурных детерминант экстремизма российской молодёжи.

В зарубежной социологии и социальной философии социокультурные детерминанты экстремизма молодёжи рассматривались с опорой на психоаналитический принцип, восходящий к З. Фрейду и заключающийся в противопоставлении природы и культуры, нашедшем своё дальнейшее развитие в работах «Франкфуртской школы социальных исследований» Э. Фромма, Т. Адорно и Г. Маркузе. В рамках теории конфликта Л. Козера, отталкивающегося от произведений К. Маркса и Г. Зиммеля, экстремистские проявления рассматривались как реакция на существующие в обществе противоречия между социальными группами. Интересно в данной связи отметить, что, согласно Л. Козеру, к «реалистическим» конфликтам будут относиться преимущественно классовые конфликты, а к «нереалистическим» – межэтнические и межконфессиональные.

В контексте структурного функционализма Т. Парсонса и Р. Мертонса, основные теоретические установки которых восходят к социологии Э. Дюркгейма, усиление экстремизма молодёжи рассматривается как девиантное поведение, вызванное тем, что прежние социокультурные институты неспособны на определенном этапе развития должным образом противостоять аномии.

В работах таких исследователей как У. Бек, Э. Гидденс, З. Бауман, К. Уильямс рост экстремистских тенденций молодого поколения анализировался в контексте увеличения рисков в процессе культурной глобализации, экспансии ценностей общества потребления и политического мультикультурализма.

Отечественные исследователи молодёжи В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, Вал.А. Луков, Т.И. Яковук исходят из того факта, что сознание молодёжи изначально характеризуется экстремальностью, которое под воздействием ряда факторов, в том числе и культурных, приводит к экстремизму,

понимаемому как совокупность девиантных практик, воспроизводящихся в обществе, где в той или иной степени существует кризис нормативности.

Мониторинг проблем культурной идентичности российской молодёжи представлен в публикациях М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги, Б.В. Дубина, В.А. Тишкова, Л.Д. Гудкова, Н.А. Зоркой.

В исследованиях С.И. Левикова, Е.Л. Омельченко, З.В. Сикевич, Т.Б. Щепаньской, Д.В. Гуськова, М.Н. Романенко акцентировалось внимание на контркультурном характере радикальных молодежных субкультур, способствующих возникновению экстремистских тенденций. П.С. Самыгин рассматривал экстремизм как форму девиантных практик молодёжи, возникающих в результате ценностного вакуума и кризиса семьи.

Социокультурные детерминанты экстремизма российской молодёжи сквозь призму этноконфессиональных конфликтов исследованы в работах И.П. Добаева, Е.П. Олиференко, А.Ю. Евтюшкин, И.И. Имгрунт, В.В. Черноуса, Р.Д. Хунаговаи др.

Культурные аспекты влияния шовинизма, ксенофобии на национальной и религиозной почве на усиление экстремистских тенденций молодёжи проанализированы в работах В.И. Каширина, О.В. Кашириной, О.М. Шевченко.

Межэтническая терпимость и отношение к мигрантам в студенческой среде Юга России стали темой анализа в исследованиях В.Л. Волгина, С.В. Голунова, П.Н. Лукичева, С.А. Панкратова, И.П. Чернобровкиной др.

Влияние уровня гражданской идентичности на экстремизацию межнациональных отношений изложено в работах А.В. Серикова, А.А. Козлова, К.В. Воденко, Е.А. Гришиной, Н.В. Муращенко, И.В. Куликова, Е.А. Черных.

Понятийные аспекты молодежного экстремизма в его связи с международным терроризмом и проблемами культурного сепаратизма существенным образом проанализированы в трудах З.С. Арухова, П.П. Баранова, И.М. Вакула, В.В. Витюк.

Проблемы роста молодежного экстремизма в условиях глобализации коммуникационно-информационной среды явились предметом исследования С.В. Бондаренко, О.С. Борисова, К.Ю. Королевой, Е.О. Кубякина.

Различные меры по профилактике молодежного экстремизма, носящие культурно-воспитательный и просветительский характер представлены в работах А.С. Сибиряева, Д.А. Филимонова, С.С. Черных, А.Л. Маршак, А.В. Кузьмина.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в исследовании данной проблемы авторы придерживаются структурно-функционального подхода (Р. Мертон), в основе которого лежит тезис о том, что молодежный экстремизм возникает в результате дезорганизации культурных традиций, деструкции и быстрого изменения культурных норм. В литературе выявлены и определены тенденции увеличения молодежного экстремизма в условиях роста рефлексивности глобальной цивилизации (Э. Гидденс) и «разбегания стилей жизни» (У. Бек). Вместе с тем, социокультурные детерминанты

молодёжного экстремизма в России не могут быть строго редуцированы к анализу институциональных практик, а требуют более широкого культурологического подхода к пониманию рассматриваемой проблемы. Обозначенный аспект даёт основание предположить, что существует необходимость в проведении исследования в данном направлении.

Целью диссертационного исследования является анализ социокультурных детерминант молодёжного экстремизма в современной России.

Для реализации цели исследования необходимо решить следующие **исследовательские задачи**:

- выявить сущность молодёжного экстремизма и специфику его проявления на региональном уровне;
- рассмотреть экстремизм как форму девиантных практик современной молодёжи;
- выявить ведущие культурные факторы экстремизма российской молодёжи;
- проанализировать социокультурные факторы активизации экстремизма в молодёжной среде;
- исследовать региональную специфику социокультурного экстремизма молодёжи в контексте общероссийских трендов по данной проблематике;
- рассмотреть формы культурной профилактики экстремизма российской молодёжи.

Объектом исследования является молодёжный экстремизм как социокультурный феномен, который под воздействием паттернов контркультуры способен породить девиантные практики.

Предметом исследования являются социокультурные детерминанты экстремизма российской молодёжи, особенности их формирования и динамика распространения на региональном уровне.

Гипотеза исследования. Негативные последствия глобализации, связанные с разрушением традиционных культур и подрывом суверенитета ряда стран Европы и Азии, привели к росту напряженности на почве этничности и конфессиональности молодых людей по всему миру. В значительной степени деформированное массовой культурой сознание молодёжи подвергается сегментизации путем воздействия со стороны информационных потоков, распространяемых посредством сети Интернет. Доминирующие культурные факторы молодёжного экстремизма структурируются вокруг: виртуализации коммуникативного пространства, в недрах которого происходит акселерация нигилистических и анархических умонастроений; разнообразных форм конфессионального и этнического шовинизма, содержащего партикуляристские и сепаратистские тенденции, ложно понятого «патриотизма», выдающегося за «подлинное» наследие традиций.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют идеи и положения отечественных и зарубежных авторов, которые являются

представителями структурно-функционального анализа Р. Мертона; культурологического подхода К. Манхейма; теории конфликта Л. Козера; теории структуризации Э. Гидденса. В анализе социокультурных детерминант молодежного экстремизма используются принципы, заложенные в рискологическом подходе Ю.А. Зубок, В.И. Чупрова, К. Уильямса, восходящие к концепции «общества риска» У. Бека. Для реализации поставленных задач используются положения и выводы отечественных исследователей экстремизма Е.О. Кубякина, А.В. Серикова, П.С. Самыгина, А.В. Кузьмина, позволяющих концептуализировать факты экстремистских проявлений как результат маргинальных интерпретаций традиционных форм культуры.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составляют данные социологических опросов, проведенных ведущими отечественными учеными Ф.Э. Шереги, М.К. Горшковым, В.И. Чупровым, Ю.А. Зубок, В.А. Тишковым. В работе были проанализированы статистические данные МВД Российской Федерации, представленные за 2005-2015 годы, из которых можно судить о масштабах преступлений экстремистской и террористической направленности, а также тенденциях совершения данных преступлений. В нашей работе были использованы результаты регионального исследования «Межэтническая терпимость и отношение к мигрантам в студенческой среде Юга России» (авторы: В.Л. Волгин, С.В. Голунов, С.И. Змихновский, В.И. Колесов, В.Н. Коновалов, А.А. Кочергин, П.Н. Лукичев, С.А. Мартиросян, С.А. Панкратов, И.П. Чернобровкин), способствующие прояснению отношений студентов региона к другим культурам. В диссертационной работе также представлены результаты самостоятельного социологического исследования, проведенного на территории Ростовской области, в котором объем выборочной совокупности составил 900 человек в возрасте от 14 до 30 лет (время проведения опроса – сентябрь – декабрь 2015 года).

Научная новизна исследования заключается в верификации тезиса о том, что социокультурные детерминанты экстремизма российской молодёжи представлены паттернами культурного шовинизма, способствующие интолерантности и ведущие к сегрегации и сепаратизму на почве ксенофобии, этнокультурной и этноконфессиональной обособленности, что выражается в следующем:

- выявлена специфика и сущность молодежного экстремизма в контексте глобализации и экспансии массовой культуры, связанные с номадизацией локальных культур;
- осуществлен критический анализ экстремизма как формы девиантных практик молодёжи, обладающих мощным потенциалом контрсоциализации;
- определены ведущие культурные паттерны экстремизма российской молодёжи, основой которых становится контркультурный консерватизм,

- направленный против гуманистических требований современной цивилизации;
- охарактеризованы социокультурные факторы активизации экстремизма в молодёжной среде, связанные с распространением культурного релятивизма, активизирующие экстремистские проявления молодёжи на базе концепций радикального искусства;
  - определены формы социокультурной структуризации экстремизма молодёжи с учётом особенностей межэтнической и межконфессиональной интеракции в регионе;
  - осуществлен анализ наиболее актуальных форм культурной профилактики экстремизма российской молодёжи с опорой на интеграцию регионального патриотизма в просветительские проекции власти, направленные на формирование гражданской идентичности.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Специфика и сущность молодёжного экстремизма конструируется социокультурными детерминантами, которые характеризуются дихотомией «традиционное – модернистское», принимающими в силу лабильности и трансгрессивности индивидуального и группового сознания молодёжи крайние формы как теоретической рефлексии, так и практических действий. Схема доминирующей культуры общества ориентирована на транзитивность социального статуса молодёжи, что отводит молодёжи роль пассивного потребителя продуктов массовой культуры. Вместе с тем, массовая культура не может в полной мере удовлетворить запросы российской молодёжи, что толкает её на путь активного поиска трансгрессивных способов культурного удовлетворения. В результате к экстремизму и его частичной легитимизации приводят как крайние проявления «ультратрадиционализма» в форме архаических практик социальной агрессии, принимающих религиозный характер, так и «ультрамодернизма», реализующихся в контексте радикального искусства.

2. Экстремизм как форма девиантных практик молодёжи во многом определяется недостатком жизненного опыта и базируется на принципах максимализма в плане реальных возможностей революционного преобразования социальной действительности. Девиантные практики экстремизма российской молодёжи можно разделить на две группы – инновационные и бунтарские. В первом случае экстремизм может проявляться в различных формах искаженного патриотизма, не отрицая культурных целей, но предлагая лишь радикально-экстремистские формы их достижения. Во втором случае, помимо приемлемых средств достижения, отрицаются также культурные цели. Причины идеологического обоснования экстремизма напрямую связаны с дефицитом гражданской идентичности современной российской молодёжи, а также дефицитом толерантности и доверия между этническими группами и конфессиями.

3. Культурные паттерны экстремизма российской молодёжи несут в себе явную тенденцию к легитимации первобытных (архаичных) форм

насилия. Вместе с тем многое из того, что совершают экстремисты на почве ксенофобии, межэтнической ненависти и межконфессиональной нетерпимости также имеют свои источники в массовой культуре, транслирующей и популяризирующей насилие. Основным трендом молодёжного экстремизма становится контркультурный консерватизм, направленный против гуманистических требований современной цивилизации. Молодежь, попадающая в поле неформальных сообществ, зачастую выполняющих функции экстремистских организаций, озабочена поиском общности, интеракция в них основывается на близких межличностных связях, выступающих «заменителем» семьи.

4. Среди социокультурных факторов активизации экстремизма нами были выявлены: культурная глобализация, разрушающая традиционные идентичности и ценности; распространение экстремистских материалов посредством сети Интернет, альтернативных по сравнению с трендами официальных СМИ; существующая в обществе дискриминация молодых людей по этническому и конфессиональному признаку, причем характерная в отношении ряда народов России, включая русских; активизация экстремистских проявлений молодёжи на базе концепций радикального искусства. Вышеперечисленные социокультурные факторы активизации экстремизма в молодёжной среде находятся в прямой зависимости от распространения и популяризации в глобальном пространстве комплекса идей культурного релятивизма.

5. Формы социокультурной структуризации экстремизма молодёжи Ростовской области во многом сходны с другими регионами страны с преобладающим этническим компонентом русских. Присутствие казачьего компонента, а также особое геополитическое расположение области на пересечении миграционных потоков создает предпосылки для экстремистских проявлений молодёжи сепаратистского характера. Вместе с тем, культурная матрица молодёжи Ростовской области и Юга России в целом предполагает высокий потенциал противодействия экстремизму на почве этноконфессиональных конфликтов, что определяется накопленным капиталом межкультурной интеракции.

6. Эффективные формы культурной профилактики экстремизма российской молодёжи базируются на технологиях интеграции регионального патриотизма в структуры гражданской (общероссийской) идентичности, что предполагает учет конкретного культурного многообразия жителей нашей страны. Гармонизация патриотических тенденций молодежи, опирающаяся на культурные ценности гражданского общества, просветительские проекции российской власти, направленные на формирование гражданской идентичности, может стать действенным средством профилактики молодёжного экстремизма.

Научная и практическая значимость исследования заключается в том, что содержащиеся в нем положения и выводы способствуют операционализации социального участия молодежи в региональной элитологии и служат научно-теоретической базой для формирования и

реализации региональной молодежной политики. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в подготовке учебных дисциплин по специальности «Социология», а также при чтении учебных курсов по общей социологии, социологии культуры, конфликтологии, социологии регионов.

Апробация работы. Выводы и положения диссертационного исследования рассматривались и дискутировались на научно-практических конференциях различного уровня: «Социально-экономические институты и процессы в современном обществе» (2016 г., г. Новочеркасск); «Наука XXI века: открытия, инновации, технологии» (2016 г., г. Смоленск); «Актуальные вопросы общественных наук» (2016 г., г. Москва); «Приоритетные научные направления: от теории к практике» (2016 г., г. Новосибирск). Основные материалы диссертации изложены в 10 публикациях, среди которых 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Текст диссертации обсуждался на заседании кафедры «Социальные технологии» в Институте сферы обслуживания и предпринимательства (филиале) Донского государственного технического университета в г. Шахты Ростовской обл. и был рекомендован к защите.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, которые включают шесть параграфов, заключения и списка использованных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность диссертационного исследования, определяется новизна, цели и задачи, формулируются основные научные положения (тезисы), выносимые на защиту.

Первая глава диссертационного исследования – «**Молодёжный экстремизм как социокультурный феномен**» - включает в себя три параграфа. В ней раскрываются общетеоретические основы молодёжного экстремизма, проводится поиск методологических подходов к изучению молодёжного экстремизма в отечественной и зарубежной литературе, выявляются девиантные практики и культурные паттерны экстремизма российской молодёжи.

В **первом параграфе** – «**Специфика и сущность молодёжного экстремизма**» подробно рассматривается понятие экстремизма в дискурсе социологии культуры, с учетом его определений в российском законодательстве. В соответствии с концепцией отечественных исследователей В.И. Чупрова, Ю.А. Зубок сама по себе *экстремальность*, понимаемая как стремление к крайностям – неотъемлемое качество, присущее молодёжному сознанию как таковому. Вместе с тем молодёжный экстремизм – проявление паттернов девиантного поведения, то есть отклонение от развития экстремального типа сознания молодёжи, которые приводят к действиям, представляющим опасность для окружающих.

Автор полагает, что в процессе обретения собственной социальной субъектности молодые люди активно усваивают культурные ценности окружающего их мира. Таким образом, культура и субкультура содержат в себе паттерны, которые могут способствовать возникновению девиантного поведения и приводить к экстремизму. Начиная с эпохи Модерна, экстремизм можно рассматривать как результат неудовлетворенности молодых людей доминирующей культурой.

Используя терминологию М. Вебера, автор считает, что культура, начиная примерно с середины девятнадцатого века, была «расколдована», лишившись, прежде всего в глазах европейцев сакрального статуса. Сложившаяся ситуация получила наиболее яркое теоретическое обоснование в работах Ф. Ницше, К. Маркса и З. Фрейда, а затем продолжила дальнейшее развитие в творчестве представителей исследований социальных процессов «Франкфуртской школы» (Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм, М. Хоркхаймер и др.). В психоанализе З. Фрейда культура прямо стала трактоваться как репрессивная инстанция, подавляющая биологическую природу человека. В двадцатом веке наиболее экстремальные интерпретации идей З. Фрейда и раннего К. Маркса были развиты в работах Г. Маркузе, который стал признанным лидером молодёжной контркультуры 60-х годов и вдохновителем так называемой сексуальной революции.

В современной России и мире проблема молодёжного экстремизма особенно актуальна на фоне резкого усиления глобальной террористической активности. К молодёжи, являющейся ресурсом общественного воспроизводства, желают получить доступ террористы и радикалы, чтобы манипулировать молодыми людьми и заставить их энергию служить собственным интересам. Молодые люди, не достигшие социальной зрелости и ещё только пробующие интериоризировать ценности собственной культуры, подвергая их критическому толкованию, становятся наиболее восприимчивыми адресатами террористической пропаганды.

Подробно рассматривая содержание Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», автор отмечает, что основные зоны риска, где экстремизм проявляется наиболее опасным образом и имеет тенденции к собственному воспроизводству, лежат в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. К выше обозначенным побудительным факторам экстремальности примыкают также проблемы, связанные с расовой нетерпимостью, ксенофобией и эстетической приверженностью ряда молодёжных экстремистских групп нацисткой или джихадистской символике.

Экстремистские действия молодёжи также могут проявляться как акты вандализма. Важным культурным источником проявлений молодёжного экстремизма выступает *шовинизм*. Последний необходимо рассматривать как экстремальную форму культурного этноцентризма, как совокупность аттитюдов, когда «другие» культурные паттерны рассматриваются с позиций превосходства собственной культуры. Стремление молодых радикалов совершать экстремистские действия проявляется, например, в виде

совершения актов вандализма против символов других культур. Сюда можно отнести широкий спектр экстремистских проявлений от осквернения могил и памятников до серии провокаций группы «Pussy-riots», наиболее известная из которых – так называемый «панк-молебен», устроенный в храме Христа Спасителя в Москве.

Автор считает, что важным мотивом всех проявлений шовинизма может выступать скрытая не декларируемая зависть по отношению к другим более «успешным» культурам, чувство неудовлетворенности в форме рессентимента – феномена, подробно проанализированного в социологической мысли М. Шелером с опорой на работы Ф. Ницше. Зачастую молодой экстремист, действуя очень абстрактно и отвлекаясь от жизни реальных таких же, как он людей, стремится представить их в образе «абсолютного» зла, как носителей «чуждых», «вражеских» символов. Следовательно, сознание экстремистки настроенной молодёжи насыщено стереотипами, которые направлены на поддержание образа врага.

Охваченные рессентиментом молодые экстремисты, как это ни странно, воспринимают себя именно как жертвы заговора и негативного воздействия со стороны враждебных, часто скрытых сил. В данном случае собственные агрессивные действия молодые экстремисты рассматривают как необходимую защиту от «враждебных» влияний, проистекающих извне. Наличие агрессивных импульсов в молодёжной среде может свидетельствовать в пользу того, что в обществе существует латентный культурный конфликт, в отношении которого молодые люди стремятся занять собственную позицию. Вместе с тем важно учитывать, что конфликты, в которые вовлечены молодые экстремисты, носят зачастую *нереалистический* характер. Классическое определение конфликта нереалистического типа дано американским социологом Л. Козером. Очевидно, что действия молодёжи экстремистской направленности носят нереалистический характер, вследствие чего акторы конфликтов стремятся к социальной разрядке путем поиска «козлов отпущения», на которых можно выместить агрессию, возникшую в результате длительной фрустрации. В своем анализе автор исходит из того, что метод Л. Козера восходит к аттитюдам марксистской социологии. Согласно ему, классовый конфликт вполне реалистичен, в силу того, что зиждется на действительном владении/не владении средствами производства. Межкультурный и межэтнический конфликт, напротив, нереалистичен, поскольку маскирует истинное положение неудовлетворенности людей, переводя эту неудовлетворенность в плоскость межнациональной или расовой ненависти.

Таким образом, автор приходит к выводу, что в условиях неопределенности экстремистские тенденции в индивидуальном и общественном сознании молодёжи могут быть вызваны процессами культурной глобализации. Молодёжь особенно остро реагирует на процессы культурной глобализации, поскольку одновременно с процессами унификации глобального пространства культуры усиливается реакция со

стороны локальных культур, которые продуцируют идентичности этнического и регионального сепаратизма.

Во **втором параграфе** – «**Экстремизм как форма девиантных практик молодёжи**» – дано подробное описание данных практик сквозь призму интериоризации молодёжью культурного наследия.

Автор отмечает, что в критических установках молодёжи в отношении сложившихся культурных паттернов часто доминируют нигилистические тенденции, которые характеризуются радикализмом, стремлением к разрушению и отвержению культурных норм и ценностей в ущерб их созиданию. Кроме этого, необходимо принимать в расчёт биологические особенности юного возраста. Именно молодые люди в большей степени, во фрейдовском смысле, не удовлетворены культурой, поскольку воспринимают её не как данность, а как поле для собственных экспериментов. Подобные инновационные изменения сопряжены с риском превратиться в девиантные практики, способные причинить реальный вред не только молодёжи, но и всему обществу.

В работе отмечается, что молодые люди могут стать на путь экстремизма только при особых социокультурных условиях, которые будут выступать в качестве катализаторов экстремальности общественного сознания. Присущий молодым людям максимализм в сочетании с жизненной наивностью, проявляющейся в необъективной оценке возможностей революционного изменения общественного порядка в лучшую сторону, существенным образом увеличивают риск попадания в движения экстремистского толка. Опираясь, в первую очередь, на реалии российского общества и высоко оценивая степень активности молодёжи в социальных процессах последних лет, автор подчеркивает, что современное молодое поколение в значительной степени формировалось и приобретало субъектность в специфических кризисных условиях, связанных с кардинальными изменениями, произошедшими в общественно-политической жизни страны и приведших к разрушению системы ценностно-нормативной регуляции и социализации.

Автор полагает, что ценности контркультуры связаны с традиционной культурой, во многом являясь её обратной, «темной» стороной - как, например, это видно в контркультуре молодёжных объединений русских нацистов, которые в своей символике и жестах подражают воображаемым былинным героям. Поэтому важно отметить, что девиантные и даже явно экстремистские практики молодёжи всё же связаны с этнокультурой граждан страны. Так, например, молодых людей – выходцев из мусульманской культурной среды крайне трудно встретить в роли скинхедов или сходных в культурном плане европейских ультраправых экстремистов. Зато для них вполне типическими будут экстремистские проявления на основе различных исламистских идеологий, интерес к которым постоянно подпитывается средствами массовой информации.

При этом молодые экстремисты склонны объединяться в неформальные сообщества, организовывать движения, ставящие перед собой

неадекватные цели. Молодые радикалы, отрицая доминирующую культуру общества, пытаются найти для своих экстремистских действий оправдание в «традиционных» ценностях. Националистически настроенная молодёжь или молодые люди из числа религиозных экстремистов опираются на собственное понимание патриотизма и духовности, пытаясь отождествить себя с народными героями (мстителями) прошлых исторических эпох.

Автор отмечает, что, считая себя «правыми», молодые экстремисты стремятся к признанию и легитимизации своего поведения. В данной связи речь идёт о героизации и романтизации экстремистских тенденций, происходящих под предлогом переоценки ценностей с позиций «лучшего» аутентичного прошлого. Таким образом, если следовать классификации типов легитимизации, предложенной М. Вебером, то получается, что «правые» молодые экстремисты в силу неспособности в полной мере легализовать своё поведение, стремятся легитимизировать его при помощи харизматической трансформации доступных традиций.

Экстремистская информация часто циркулирует в сети Интернет под видом якобы безвредных образцов «народного» творчества. К тому же молодые экстремисты зачастую используют особый сленг и систему шифров, чтобы при коммуникации между собой в сети остаться незамеченными для правоохранительных служб. На почве коммуникации в сети Интернет молодые девианты формируют собственные субкультуры, представляющие собой закрытые группы экстремистской направленности. Девиантные тенденции подпитываются желанием признания, стремлением молодых людей почувствовать себя «крутыми», «сильными», способными бросить реальный вызов общественным порядкам. Крайние отклонения от нормы могут порождать *мятеж* (Р. Мертон). Поэтому можно сказать, что мятежу предшествует разочарование молодых людей в общественных целях и легальных средствах их достижения, связанное как с недовольством культурой, так и с неблагоприятной экономической обстановкой, латентной безработицей и отсутствием социальных лифтов.

В своей работе автор обращает внимание, что значительная роль в распространении экстремистских настроений также принадлежит информации конспирологического характера, образующей, пожалуй, достаточно рельефную субкультуру, посредством которой молодёжи навязывается образ «тайного» врага. Причём центральное место во всех конспирологических и псевдонаучных теориях, разжигающих ненависть и ксенофобию, по-прежнему отводится различным формам антисемитизма. Экстремистские практики российской (преимущественно русской) молодёжи во многом подпитываются болезненным акцентированием внимания на культурных различиях народов, населяющих нашу страну, а также мигрантофобскими настроениями, распространёнными во всех странах, где происходит естественная убыль местного (коренного) населения.

Таким образом, автор делает вывод о том, что экстремизм представлен в молодёжной среде в форме различных девиантных практик, имеющих контркультурную основу и носящих зачастую сетевой характер. Важно

учитывать, что девиантные практики продуцируются рядом определенных молодёжных субкультур, которые способствуют их легитимизации. Молодёжь может стать на путь экстремизма в особых социокультурных условиях в процессе контрсоциализации. Анализ проявлений экстремизма в молодёжной среде показал, что ценности контркультуры последних десятилетий связаны с паттернами традиционной культуры, выступая её обратной, «теневого» стороной. Являясь движущей силой общественных преобразований, молодые люди желают активно участвовать в социальных изменениях, обращаясь порой к практикам, носящим экстремистский характер.

В третьем параграфе подробно рассматриваются **«Ведущие культурные паттерны экстремизма российской молодёжи»**.

Автор отмечает, что в основе возникновения экстремизма в качестве социокультурного феномена лежит коллизия общественных норм, многие из которых в процессе развития деформируются и приобретают новые содержания. Речь, таким образом, идёт о том, что определенные формы культурной интеракции, которые в прошлые исторические эпохи воспринимались как норма, в процессе цивилизационного развития утратили прежний характер нормативности. Вместе с тем, большая часть идеологов экстремизма продолжает обосновывать свои убеждения верностью прошлому, а их интеллектуальным базисом продолжают оставаться традиции. Важно отметить существенные культурные отличия между экстремистами леворадикального толка, праворадикальными националистами и религиозными экстремистами. Первые обращаются к будущему и прогрессу, считая культуру чем-то искусственным и конструктивным, причём в значительной степени десакрализированным. Последние же, напротив, призывают к восстановлению священного прошлого, ратуют за возвращение традиций, то есть, если перефразировать М. Вебера, пытаются вновь «заколдовать» окружающий мир.

Таблица №1 – Динамика преступлений террористического характера и экстремистской направленности в РФ

Годы	Преступления	
	Террористического характера	Экстремистской направленности
2004	9523	130
2005	5438	152
2006	1781	263
2007	759	356
2008	642	460
2009	654	548
2010	581	656
2011	622	622
2012	637	696
2013	661	896
2014	1127	1024
2015	1531	1308

На основании статистических данных МВД РФ, представленных в таб.1 за 2004-2015 годы, можно судить о масштабах преступлений экстремистской и террористической направленности, а также тенденциях совершения данных преступлений. Полицейская статистика к террористическим преступлениям относит активность бандформирований и террористов-«одиночек», готовящих и совершающих конкретные теракты против граждан РФ. К преступлениям экстремистской направленности относятся, главным образом, идеологическая обработка молодёжи, пропаганда террористических концепций, взглядов и убеждений, разжигающих межэтническую и межконфессиональную рознь. Вместе с тем, автор предлагает отличать экстремистские преступления идеологического и пропагандистского характера (главным образом, распространение материалов в сети Интернет, способствующих разжиганию межэтнической и межконфессиональной ненависти) от планирования, подготовки и осуществления конкретных терактов против граждан РФ.

В работе отмечается, что на рост экстремизма молодёжи и на формирование соответствующих ценностных ориентаций особое влияние оказывает информационное общество, в контексте которого формируется «клиповое» сознание молодёжи. В его контексте формируются эстетические вкусы молодёжи, образующие нерасчлененные идеологические единства в противовес классическому понятийному мышлению, которое формировалось наукой и изучением литературы методом интеллектуального погружения в предмет. Автор приходит к выводу, что культурно-мировоззренческий уровень молодых людей в значительной степени формируется просмотром клипов (роликов), которые ориентируют их, в первую очередь, на аффективное переживание, а не способствуют выработке понятийного мышления. Этим умело пользуются пропагандисты международных террористических сообществ, внедряющие в сознание молодых людей определённые культурные программы посредством использования возбуждающей музыки и красочного видеоряда, способного захватить воображение, погрузить его как в собственные, так и в навеянные извне грёзы.

Автор акцентирует внимание на том, что экстремизм в сознании молодёжи приобретает романтическую окраску. Это способствует его дальнейшему переходу из сферы представлений и фантазий в сферу активной деятельности. Таким образом, молодые экстремисты в своих действиях, как правило, ориентируются на псевдонаучные теории или же напрямую черпают вдохновение из мифов и религиозных представлений прошлого. Поэтому в целях профилактики молодёжного экстремизма необходимо критически анализировать те или иные представления, способные привести к делинквентным социальным действиям на почве этнической и религиозной ненависти. Причём важно понимать, что такие экстремистские по своей сути представления возникают как побочный продукт гуманитарных знаний,

вытесненных на периферию научного дискурса – то есть набора культурных знаний, превратившихся в маргинальные.

Исходя из этого, автор делает вывод о том, что ведущие культурные паттерны, приводящие к экстремистскому поведению молодёжи, являются искаженными формами понимания молодыми людьми патриотизма. Данные паттерны – это этнический национализм и терроризм на базе искаженных представлениях о религии. Вышеприведенные образцы могут существенным образом смешиваться, создавая сепаратистскую мотивацию экстремистских действий, как это проявляется, например, на территории Северного Кавказа. Это не в последнюю очередь связано с тем, что религиозные конфессии в России традиционно обладают мощным этническим базисом. Важно отметить, что экстремисты националистического плана также в значительной степени нуждаются в религиозной легитимации. В целом паттерны экстремизма имеют ярко выраженную тенденцию к легитимации первобытных (архаичных) форм насилия. Многие из того, что совершают экстремисты на почве межэтнической и межконфессиональной ненависти (изохренные убийства людей, массовые теракты) также имеет свои источники в массовой культуре (например, фильмы ужасов, хоррор, которые стали неотъемлемым элементом массовой культуры). Проведенный автором социокультурный анализ разнообразных источников, СМИ и официальной полицейской статистики позволяет сделать вывод о том, что проблема молодёжного экстремизма имеет ярко выраженный международный характер, связанный с проблемами культурной глобализации.

Вторая глава диссертационного исследования – «**Динамика и тенденции проявления экстремизма молодёжи: на Юге России**» также состоит из трех параграфов, в ней рассматриваются: социокультурные факторы активизации экстремизма в среде молодёжи Юга России; главным образом на примере Ростовской области дается региональная характеристика социокультурного экстремизма молодёжи; рассматриваются формы его культурной профилактики на уровне всего региона.

В первом параграфе проанализированы «**Социокультурные факторы активизации экстремизма в молодёжной среде**».

В исследованиях, проведенных В.И. Чупровым и Ю.А. Зубок, в числе социальных факторов активизации экстремизма в молодёжной среде названы контакты с экстремистским окружением; материальное положение; ориентация на риск; уровень доверия к власти. Автор отмечает, что все вышеперечисленные факторы опосредованы определенным культурным базисом, который способствует их актуализации в поведении молодёжи. Следовательно, социальные факторы активизации экстремизма тесно связаны с факторами развития современной культуры российского общества, которая находится в состоянии глубокого ценностного кризиса, сопровождающегося активным поиском идентичности и государственной идеологии.

Таким образом, дискурс работы предполагает, что разнообразные формы доминирующей культуры и субкультуры могут сформировать у молодёжи различные аттитюды по отношению к власти, риску, богатству и собственному окружению. Например, существуют экстремистские культурные паттерны, которые могут считаться образцами поведения, нацеленного на предельный риск и противостояния легальной власти, даже ценой потери собственной жизни - и, наоборот, есть признанные формы гуманистической культуры, которые, напротив, всячески подчеркивают ценность индивидуальной человеческой жизни. Это же касается и материального положения молодёжи, поскольку бедность, во-первых, категория относительная, а во-вторых, далеко не во всех культурах бедность выступает источником экстремизма, напротив, многие молодые экстремисты – идейные люди, вступившие на путь откровенного террора отнюдь не из-за желания личного обогащения.

По мнению автора, существует корреляция между проявлениями экстремизма в том или ином регионе и в международном масштабе, о чём свидетельствует рост угрозы терроризма по всему миру. Геополитические аспекты развития экстремальных форм культуры, способные перерасти в экстремизм, стали визитной карточкой многих регионов планеты. В процессе глобализации усиливаются миграционные потоки, значительную часть которых представляют беженцы из регионов, охваченных войной. В результате многие молодые люди, испытывая дефицит стабилизирующих форм культуры, обращаются всего лишь к эрзацам традиционных культур, которые зачастую содержат в себе паттерны экстремистской направленности. К тому же межкультурные конфликты, рассматриваемые по модели «столкновения цивилизаций», связаны с тем, что прежние духовные традиции пытаются найти своё место в условиях поздней современности.

Чаще всего в этнической среде молодых русских (шире славян) продолжает воспроизводиться национализм, направленный на противопоставление себя народам Кавказа и средней Азии, включающий в себе также элементы культурного и биологического расизма. Основные аргументы противников мигрантов сводятся к тому, что те резко повышают уровень так называемой этнической преступности; не уважают культуру местного, главным образом, русского населения; пытаются устанавливать собственные правила; усиливают риски террористической безопасности; мешают коренным жителям устроиться на работу. Интересно, что официальные власти частично признают многие доводы «националистов» - например, указывая на рост этнической преступности и террористического подполья, связанного с деятельностью запрещенных в России экстремистских организаций.

В заключении автор делает вывод, что к числу ведущих факторов культурного экстремизма молодёжи относятся:

– культурная глобализация, разрушающая традиционные ценностные уклады, сопровождающаяся попыткой маргинальных групп

противопоставить современности традиционные ценности в искаженном и радикальном варианте (исланизм и нацизм);

– распространение экстремистских материалов посредством сети Интернет. Сюда же примыкает альтернативность информации, циркулирующей в сети Интернет по сравнению с официальными СМИ, свободное обсуждение социальных проблем (например, проблем мигрантов), что только усиливает («разжигает») интерес радикальной молодёжи к действиям экстремального свойства;

– существующая в обществе дискриминация молодёжи по этническому и конфессиональному признаку, причем существующая в отношении ряда народов России, включая русских;

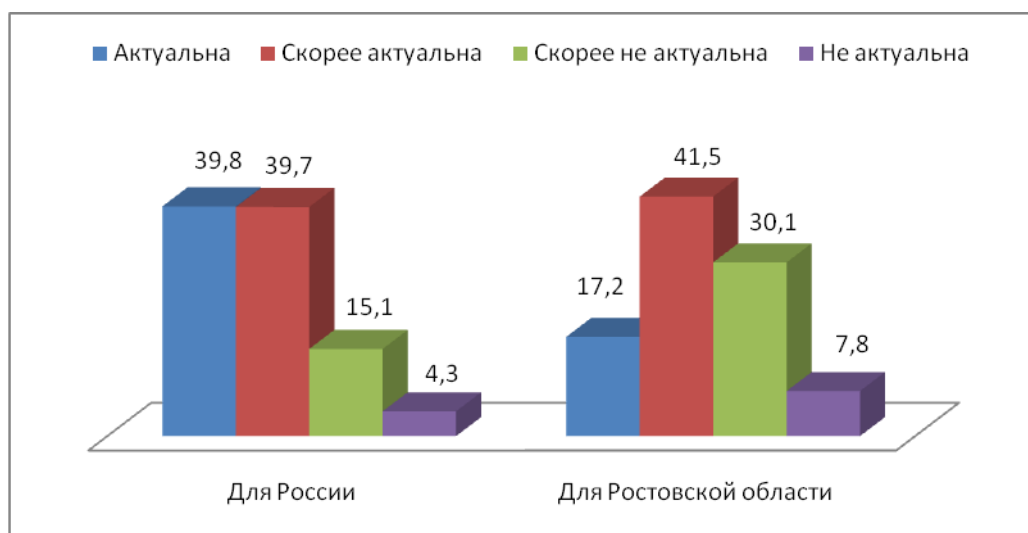
– распространение культурного релятивизма, опирающегося на «ценности» постмодерна, которые активизируют экстремистские проявления молодёжи на базе концепций радикального искусства.

Во параграфе – «Региональная специфика социокультурного экстремизма молодёжи (на примере Ростовской области)», акцент сделан на региональных проблемах межкультурной интеракции.

Автор исходит из того, что модернизационные процессы, происходящие в современном российском обществе, свидетельствуют о трансформации форм социальной адаптации и интеграции молодого поколения. Сложившиеся формы социальной регуляции неэффективны и доказывают свое несовершенство, что непосредственно влияет на социальные отношения и специфику взаимоотношений молодёжи с обществом. Коллективность сознания, коллективность ответственности, преобладание групповых ценностей заменяются индивидуализмом и индивидуально-личностными ценностями.

С целью изучения отношения молодёжи к экстремизму, причин его возникновения и тенденций распространения данного феномена среди молодёжи, проживающей на территории Ростовской области, автором было проведено социологическое исследование на тему «Молодежный экстремизм в Ростовской области». Объем выборочной совокупности составил 900 человек в возрасте от 14 до 30 лет проживающих на территории Ростовской области.

Особый интерес вызывает вопрос, считает ли молодёжь Ростовской области проблему экстремизма актуальной для своего населенного пункта и для России в целом. Исследование показало, что данная проблема актуальна как для территории Ростовской области, так и для России в целом (58,7 % и 79,5 % соответственно совокупность ответов, «актуальна» и «скорее актуальна, чем нет») (рис. 1).

Рисунок 1 – Актуальность молодежного экстремизма для Ростовской области и России в целом (в % от количества опрошенных)

Молодые люди Ростовской области утверждают, что знают значение слова «экстремизм» (68 %); 15,1 % - утверждают, что когда-то его слышали; 12,2 % не знают, что такое экстремизм и 4,3 % никогда не слышали о нём. Молодёжь даёт верное

определение понятию «экстремизм», считая, что это участие в разжигании межнациональной, межрелигиозной, социальной, расовой розни, воспрепятствование законной деятельности государственных органов власти и органов местного самоуправления (44 %), причем юноши дают правильный ответ чаще, чем девушки (50,1 % против 38,2 %). Также следует выделить младшую возрастную группу (14-18 лет), 90 % представители которой ошибочно связывают экстремизм с экстримом (табл. 1).

Таблица 1 – Экстремизм в понимании молодежи

Вариант ответа	Юноши	Девушки	Общий массив
Участие в разжигании межнациональной, межрелигиозной, социальной, расовой розни, воспрепятствование законной деятельности государственных органов власти, органов местного самоуправления	50,1	38,2	44
Приверженность к крайним взглядам и мерам	7	9,3	8,2
Приверженность к националистическим взглядам	26	21,6	23,7
От слова «экстрим», совершение опасных действий для жизни с целью получения эмоционального удовлетворения	21,5	19	20,2

Молодежь считает экстремистами людей, причастных к террористическим группировкам, незаконным вооруженным формированиям

(77,4 %) и тех, кто используют фашистскую символику (71,4 %). Причем данные варианты лидируют в старшей и средней возрастной группе 19-25 лет и 26-30 лет (95,4 % и 99,3 % соответственно) (табл. 2).

Таблица 2 – Экстремисты в понимании молодежи

Вариант ответа	14-18 лет	19-25 лет	26-30 лет
те, кто выступает за свержение нынешней власти	27,5	49,3	46,7
те, кто использует радикальные меры в политической борьбе	19,5	31,2	52,9
террористы, люди причастные к террористическим группировкам, незаконным вооруженным формированиям	48,1	79,8	99,3
те, кто использует фашистскую символику	51,8	95,4	62,5
те, кто проявляют ненависть и нетерпимость к мигрантам, представителям других национальностей, вероисповеданий	41,3	63,9	64,2
те, кто распространяет запрещенную литературу	43,8	65,1	47,4
те, кто финансирует незаконные формирования, в том числе и военные	2,5	5,4	10,6

Как показало исследование, чем выше уровень доверия среди молодежи, тем меньше они заинтересованы в насильственных способах разрешения конфликтных ситуаций. Поэтому именно органы государственной власти и органы местного самоуправления должны создавать площадки для культурного диалога между разными национальностями, проживающими на территории нашей страны, что будет способствовать развитию эффективной модели многонационального государства, скрепляемого русским языком и культурой.

В **Заключении** автор делает вывод о том, что культурная матрица молодёжи Ростовской области во многом характеризуется опытом длительного существования на одной территории разных этносов, что определяет довольно высокий потенциал противодействия экстремизму на почве национальных и конфессиональных различий. Однако усиление миграционных потоков приводит к изменению этнического состава населения региона, что увеличивает риски проявления молодёжного экстремизма в будущем на почве разрушения основ культурной толерантности.

В третьем параграфе подробно рассматриваются **«Формы культурной профилактики экстремизма российской молодёжи»**.

Автор отмечает, что культурная профилактика экстремизма российской молодёжи – это важная задача государства и гражданского общества, включающая в себя ряд систематических мер, направленных на снижение рисков проявлений данного негативного явления, угрожающего безопасности граждан страны. Поэтому профилактика экстремизма в целом ориентирована на создание культурной безопасности. Таким образом, культура молодёжи должна отвечать требованиям социальной безопасности и современного научно-технического развития. В процессе глобализации культурного пространства, сопровождающегося активным проникновением деструктивных и террористических идеологий из-за рубежа, направленных информационных атак (так называемых «сетевых войн»), возрастают общественные требования к институтам образования и официальной культуры.

Для исследователя вполне очевидно, что наиболее эффективным средством достижения солидарности является гражданский патриотизм, основанный на базе ценностей прошлого, способных объединить поколения, несмотря на этнические и конфессиональные различия. Ведь экстремисты, в первую очередь, атакуют ценности патриотизма и гражданственности, лежащие в основе уважения и авторитета российской государственности. Если же говорить о глобальных целях международных террористических организаций, то они ставят перед собой конкретные цели разобщения народов нашей страны по конфессиональному признаку. В той же проекции действуют радикальные группы нацистского толка, которые стремятся пересмотреть итоги Великой Отечественной Войны, представив идеологию нацизма в привлекательном свете особенно для русской молодёжи. Поэтому одна из важнейших задач профилактики экстремизма напрямую связана с формированием у российской молодёжи культуры патриотизма в масштабах всей страны, с включением в неё всех этнокультурных элементов и гражданской идентичности, способной подняться над партикулярными идентичностями собственного этноса и религиозной конфессии. Необходимо не культивировать собственную исключительность и крайние формы этноцентризма, а преодолеть шовинистические тенденции, став на точку зрения понимания других культур и сущностных связей всех народов России и региона.

Автор отмечает, что значительная часть экстремистских проявлений северокавказской молодёжи несёт в себе явные сепаратистские тенденции противопоставления российской власти, воспринимающейся в рамках стереотипов, определяющих центральную власть в качестве «захватчика», ответственного за геноцид ряда коренных народов. Этнокультурная специфика региона определяется также наличием казачьего компонента, амбивалентного по своей природе в контексте противопоставления центральной власти (доверия к власти). Значительная часть молодых казаков, особенно в последние годы, в той или иной степени воспроизводит

сепаратистские тенденции, сопровождающиеся желанием признания казачьего народа в качестве самостоятельного (отдельного от русского) этноса. Отдельные представители казачества региона, особенно из числа молодёжи, ратуют за создание собственной «Донской казачьей республики», и не желают оставаться частью (субэтносом) русского народа, а, напротив, стремятся превратиться в «полноценное» этнонациональное меньшинство.

В работе подчеркивается, что рассматриваемый регион представляет сложную систему, где действует множество субъектов воспроизводства тех или иных культурных факторов. Динамичность региона во многом связана с его приграничным положением, взаимовлиянием множества этнических культур и укладов, активным присутствием сразу трёх мировых религий (христианства; ислама; традиционного буддизма в Калмыкии), притом, что присущая молодым людям инновационная активность в условиях неопределенности и явного классового расслоения направляется на воспроизводство разнообразных образцов как культурного, так и политического сепаратизма. Очевидно, что «стягивание» в одну точку должно происходить в регионе с учётом специфики его этнических культур, которые в последнее время стали играть в общественном сознании молодёжи всё большую роль. Причём профилактика экстремизма должна происходить на ранних этапах социализации молодёжи с опорой на ведущие культурные институты региона, где особую роль, на наш взгляд, должно играть светское образование.

В рамках гражданско-патриотического воспитания молодёжи необходимо создать возможность для включения в него регионального патриотизма с учетом этнических и конфессиональных особенностей данного региона. Молодёжь Юга России должна консолидироваться вокруг гражданской идентичности, однако, учитывая силу культурных традиций, правильным будет акцентировать внимание на интеграцию региональных идентичностей в общероссийскую идентичность, формирующуюся в условиях развития в России гражданского общества. Существенную роль в этом процессе должны играть патриотические ориентации молодёжи, которые явятся привлекательными моделями, помогающими их творческому развитию. При этом уважение к Родному краю должно включать в себя исключение комплексов провинциализма. Таким образом, региональный патриотизм не должен рассматриваться как провинциализм – напротив, он должен стать частью концепции развития российского федерализма.

В заключении проведенного анализа предрасположенности к экстремистской активности молодёжи Юга России (и особенно Ростовской области) автор отмечает, что этнокультурная специфика данного региона в большей степени требует в качестве основной формы профилактики экстремизма освоения и внедрения в образовательный процесс технологии интеграции регионального патриотизма в структуры гражданской (общероссийской) идентичности. При этом сохранение и возрождение традиционных ценностей не должно препятствовать овладению молодыми

людьми широкого спектра научных знаний, позволяющих реализовать себя в профессии.

Статьи в ведущих научных журналах, рекомендованных ВАК РФ

1. Рябинская Т.С. Паремиио-идеологическая репрезентация социокультурного феномена лжи и обмана // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 7. С. 159-163 **(0,4 п.л.)**
2. Рябинская Т.С. Экстремизм как форма девиантных практик современной молодежи // Гуманитарий Юга России. 2016. № 2. С.242-247 **(0,4 п.л.)**
3. Рябинская Т.С. Сущность и специфика молодежного экстремизма в контексте теории конфликта // Экономические и гуманитарные исследования регионов 2016. С. 94-99 № 3. **(0,5 п.л.)**
4. Рябинская Т.С. Культурные паттерны молодежного экстремизма в современном российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2016. № 3. С. 237-246 **(0,6 п.л.)**

Прочие публикации

5. Рябинская Т.С. Роль элемента обмана в вопросе достижения социальной справедливости // Альманах современной науки и образования. 2015. № 7. С. 108-111 **(0,4 п.л.)**
6. Рябинская Т.С. К вопросу о национальных чертах русского обмана // Молодой учёный. 2015. № 16. С.386-389 **(0,4 п.л.)**
7. Рябинская Т.С. Социокультурные истоки молодёжного экстремизма: анализ зарубежных и отечественных концепций // Наука XXI века: открытия, инновации, технологии: сб. тр. научно-практической конференции. Смоленск, 2016. С. 128-131 **(0,3 п.л.)**
8. Рябинская Т.С. Молодежный экстремизм: сущность, специфика, социальный контекст // Социально-экономические институты и процессы в современном обществе: сборн. материалов междунар. науч.-практич. конф., 17-18 мая 2016 г., г. Новочеркасск; под ред. К.В. Воденко. Новочеркасск: ЮРГПУ (НПИ), 2016. С. 233-239 **(0,4 п.л.)**
9. Рябинская Т.С. Экстремистские формы и мотивы молодежной девиации // Приоритетные научные направления: от теории к практике: сборн. материалов XXV Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Часть 1 / Под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2016. С.114-117 **(0,4 п.л.)**
10. Рябинская Т.С. Культурный консерватизм как основа экстремистских проявлений в российской молодёжной среде// Сборник публикаций научного журнала "Chronos" по материалам II, III международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы общественных наук», г. Москва: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). М: Научный журнал "Chronos", 2016. С. 43-47 **(0,4 п.л.)**